

УДК 1

Шматько Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук,
Армавирский государственный педагогический университет
alex79andr@mail.ru

Alexander A. Shmatko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy, Law and social sciences
Armavir State Pedagogical University
alex79andr@mail.ru

Историческое сознание как социокультурный феномен

Historical consciousness as a sociocultural phenomenon

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние ценностных и культурных традиций общества на формирование и функционирование исторического сознания. По мнению автора, прежде всего, историческое сознание имеет лингвистическую обусловленность, поскольку исторические события конструируются как текст, говорящий устами свидетеля. Историческая реальность, являющаяся основанием исторического факта, и её восприятие также соответствуют структурам языка, определяющим мышление.*

***Ключевые слова:** историческое сознание, историческое мышление, исторический факт, культура, ценности, интерпретация, нарратив*

***Annotation.** The article examines the influence of the value and cultural traditions of society on the formation and functioning of historical consciousness. First of all, historical consciousness in all its components has linguistic conditioning, since historical events are constructed as a text that speaks through the mouth of a witness. Historical reality, which is the basis of historical fact, and its perception also correspond to the structures of language that determine thinking.*

***Keywords:** historical consciousness, historical knowledge, historical thinking, historical fact, culture, values, interpretation, narrative*

Вопрос о структуре исторического сознания неизменно остаётся актуальным уже несколько веков. Его компоненты – историческое познание, историческое мышление, исторический факт – понимаются представителями социально-гуманитарных дисциплин как существующие в радикально разных, не сводимых друг к другу, областях, вследствие чего, проблемное поле исторической науки оказывается раздробленным, как в дисциплинарном, так и в смысловом значениях.

Гносеологическая опора исторического познания на содержательную, фактическую сторону имеет основания. Социально-философское осмысление проблем исторического сознания и исторического познания напрямую связаны с принципом историзма и пониманием исторического факта как объективного события, которые формировались на протяжении двухтысячелетней европейской истории и за время новой эры претерпели ряд существенных качественных изменений. Разрывы культурных традиций познания, возникавшие вслед за завершением очередного этапа развития культуры, неизбежно порождали кризис общественного сознания и формирование нового типа знания, наиболее отвечающего общественным представлениям о благе и целях социального развития.

Фактически, смена культурных традиций влечёт за собой последовательную смену всех базовых компонентов общественного сознания, в том числе, исторического. Однако для современников этот процесс, чаще всего, остается незаметным. И изменения исторического сознания проявляют себя в качестве маркера культурных и социальных изменений. Именно потому историческое познание так часто обвиняют в «изменчивости». Новая реальность требует переосмысления корреляции с ценностями общества и векторами его развития.

Из всего содержательного каркаса исторического сознания наиболее статичным выглядит исторический факт. Но и он понимается неоднозначно. Естественные науки генерализируют факт, а история индивидуализирует, как было замечено Г. Риккертом [8. с. 69-101]. Статус факта в истории всегда отличается от статуса факта в естественных науках: естественнонаучный факт стремится к универсальности, а исторический факт по своему происхождению идеографичен и уникален, хотя его и можно в процессе интерпретации, до известной степени, обобщать по какому-либо критерию и включать в ряды подобных фактов. Интересно то, что ни один факт не возникает как исторический, но он может им стать, если его событие найдет место в нарративе. Эти цепочки собираются по различным основаниям: религиозному, политическому, экономическому или другому, например, научному. Соответственно, на этом основании из одних и тех же фактов могут складываться разные «истории»: история религии, экономическая, политическая или история науки.

В нарративе имеется только одно «место» для каждого факта (если речь идёт о главных событиях, определяющих смысл этого повествования, в иных точках границы могут расширяться до нескольких фактов, призванных подкреплять, иллюстрировать или, напротив, проблематизировать то или иное суждение об истории). Однако как отсутствие фактов, так и их избыток для исторического повествования губительны, приток в описание слишком большого количества фактов, не связанных между собой и происходящих параллельно, ломает нарратив, несмотря на то, что именно такая конструкция может лучше отражать многообразие жизни в её непосредственной данности.

Анкерсмит[1] и другие постмодернисты замечали, что из всего многообразия событий жизни историк охотнее выбирает социальную травму и работает с ней. Это, отчасти, объясняет причину, по которой исследования войн, катастроф, хроники властных династий гораздо больше распространены и намного рельефнее детализированы, чем история повседневности, «незамечательных» людей и описания мирной жизни. Уникальных событий, не связанных последовательно в структуре нарратива, должно быть не слишком много, иначе происходит превращение ясной и строгой смысловой последовательности в нагромождение событий и бессмысленный хаос, то есть, за этими фактами исчезает и уходит в небытие сама история.

В связи с уникальностью исторического факта, возникает также проблема «фильтра», сквозь который должно пройти событие, чтобы обрести своё место в нарративе и стать историческим. Происходить такое включение в нарратив, по-видимому, может как изнутри события, так и извне. Можно предположить, что внешнее включение производит историк, основываясь на источниках, а внутреннее производят сами участники события, присваивая ему историческую значимость и фиксируя его каким-либо способом для передачи сообщения о нём потомкам.

Отношение Марка Блока к историческим источникам как к «неговорящим»[3. с.42.] тоже показательно, потому что в случае с нарративом повествовать может всё, к чему может быть адресован вопрос и от чего получен ответ, нужен лишь слушатель.

О лингвистической обусловленности мира говорил ещё В. фон Гумбольдт. Мир может быть прочитан как текст, говорящий устами автора[5].

Э. Сепир и Б. Уорф даже обосновали гипотезу «лингвистической относительности» [4. с. 66-72], согласно которой, восприятие реальности соответствует структурам языка: язык определяет мышление.

Есть и внутренний смысл в производстве нарратива. Изнутри включение в нарратив производится самими его участниками, которые непосредственно соприкасаются с историческими источниками, порождают их, сами становятся источниками, придают событию смысл и транслируют этот смысл как исторический. И это становится «свидетельством очевидцев», удостоверяющих важность события и берущих на себя ответственность за присвоение ему значений

И именно двусторонний процесс внутреннего и внешнего осмысливания события делает исторический нарратив столь объёмным, стереоскопическим и создает для историка некий «коридор смысла», за границы которого он не должен выходить. Гораздо сложнее оказывается работать, когда речь идёт об историческом периоде, в котором повествующих свидетелей ещё нет, а есть только материальные артефакты. В этом случае, тяжесть реконструкции антропологической реальности переносится на одного историка и, очевидно, ему приходится брать на себя роль «сильного субъекта», восполняя отсутствующие голоса свидетелей, допуская, очевидно, более серьёзную редукцию в отношении антропологической составляющей.

Историк производит последнее, внешнее включение в контекст, он дистанцирован от события во времени и пространстве, но он может выстроить новый генеральный смысл, не замеченный современниками. Интерпретация, таким образом, может быть понята как, своего рода фильтр, проходя сквозь который событие получает значение, не существовавшее ранее, значение «сверх себя самого». Событие получает дополнительный статус внутри самого нарратива, оно становится «предпосылкой», «фактором», «следствием» или чем-то ещё, чем никогда не стало бы, находясь в собственных пределах и не будучи включенным в нарратив или аналитическое рассуждение.

Именно по причине многократной интерпретации событий самыми разными субъектами так сложно различить «социальное» в «социальных связях» и «социальное» в «ассоциациях», как метко подметил Б. Латур [7, с.92]. Исследователь критически относится к пониманию «социального» как особого, отдельного вида общественных связей, на которых, собственно, и держится весь вес общественных отношений, вся культурная ткань общества, несмотря на то, что такая трактовка является для социальных наук достаточно привычной.

Экстраполируя сказанное Б. Латуром на динамический, то есть, исторический аспект, можно сказать, что «историческое» в «социальных связях» и «историческое» в «ассоциациях» также достаточно трудно различается, однако, вполне имеет право на существование, если понимать под первым внутреннюю силу, создающую нарратив, а под вторым – внешнюю силу, произвольно принудительную по отношению к нему. Хотя здесь остается всё та же проблема – внешнее от внутреннего бывает почти невозможно отличить, находясь на исторической дистанции (если, разумеется, снова не реифицировать эти связи и не начать понимать их как некие фигуры реальности, а не определенные мысленные смысловые конструкции, всегда преходящие и имеющие феноменальную природу, то есть, существующие в границах человеческого сознания. От этого Б. Латур уже обоснованно предложил уйти). К стороннему наблюдателю и то, и другое приходит в лучшем случае как фактическое дескриптивное свидетельство, а в худшем – или как аналитическая объяснительная схема, готовая интерпретация, из которой нужно извлечь то, что осталось от события. Особенно это актуально для древней истории, где вообще есть дефицит каких бы то ни было свидетельств о жизни. Анализ исторических событий, достигающий историка от предыдущих поколений коллег, всегда создает дополнительные трудности по предварительному деструктурированию данного текста, разложению его на составные части на предмет поиска мифоконструктов, ошибок, неверных связей, и извлечения из него собственно описаний событийного ряда, «строительного материала» для нового историописания. Поэтому история как нарратив оказывается невозможной без репрезентации.

Оказываясь на исторической дистанции от события, историк лишается права описывать свой собственный опыт, однако, он негласно продолжает использовать ценностно-культурные координаты своего общества в

конструировании исторического нарратива. Выйти за их границы он не может по той же самой причине отсутствия опыта.

Для реконструкции прошлого необходима некая онтологическая определённость, а позаимствовать её нельзя нигде, кроме как у самого себя, поэтому любое суждение о прошлом происходит в формате ценностей настоящего и превращается в «точку зрения», без которой историописание невозможно.

С другой стороны, Анекерсмит замечает, что с дистанцией тоже не всё просто [1. с.87.]. Границы между прошлым и будущим не существует до тех пор, пока её не прочертил историк. Если он начал исследование, не прочертив исторической границы и не отступив на определённую культурную дистанцию, он продолжает находиться в современности. Тогда он по праву причастности снова возвращает себе право говорить от собственного лица и пользоваться собственным опытом, но лишается своего объекта – прошлого.

Таким образом, многочисленный опыт исторического исследования XX века показал: не столько важно, какой эпистемологический статус присваивается историческому познанию, исчезает ли в этих объяснительных схемах субъект или напротив, выдвигается на передний план, не столь важно, как происходит репрезентация исторического нарратива. Важно то, что эти трансформации проходят феноменологическую развертку и культурную фильтрации. Историческое сознание как интерсубъективный феномен должно иметь поддержку и в онтологических статусах объективного (исторический факт), и онтологии субъективного (индивидуальное сознание). А способы и механизмы, которыми производится данная поддержка, всегда коррелируют с культурными традициями общества.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Издательство «Европа», 2007. 608 с.
2. 14. Анкерсмит Ф. *История тропологии: взлет и падение метафоры*. М.: Канон+, 2009. 400 с.
3. Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка*. Таллин: Ээсти раамат, 1983. 184 с.
4. Бурас М., Кронгауз, М. *Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности* // «Наука и жизнь» № 8, 2011. С. 66-72.
5. Гумбольдт В. фон *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
6. Доманска Э. *Философия истории после постмодернизма*. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
7. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с.
8. Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре* // *Культурология XX век. Антология*. М.: Юрист, 1995. С. 69-101.
9. Рюзен Й. *Кризис, травма и идентичность* // «Цепь времен»: *проблемы исторического сознания* М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38-62.

10. Уайт Хейден // Доманска Эва. *Философия истории после постмодернизма*. М. «Канон+». 2010. 400 с.

Literature

1. Ankersmith F. R. *Sublime historical experience*. Moscow: Publishing House "Europe", 2007. 608 p.

2. 14. Ankersmith F. *The history of tropology: the rise and fall of metaphor*. Moscow: Canon+, 2009. 400 p.

3. Blok M. *The Apology of history, or the craft of a historian*. Tallinn: Eesti raamat, 1983. 184 p.

4. Buras M., Krongauz, M. *Life and fate of the hypothesis of linguistic relativity* // "Science and life" No. 8, 2011. pp. 66-72.

5. Humboldt V. von *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 2000. 400 p.

6. Domanska E. *Philosophy of history after postmodernism*. Moscow: Canon+; ROOI "Rehabilitation", 2010. 400 p.

7. Latour B. *The reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory* M.: HSE Publishing House, 2014. 384 p.

8. Rikkert G. *Science of nature and science of culture* // *Cultural studies of the XX century. Anthology*. Moscow: Yurist, 1995. pp. 69-101.

9. Ryuzen Y. *Crisis, trauma and identity* // "Chain of times": *problems of historical consciousness* Moscow: IVI RAS, 2005. pp. 38-62.

10. White Hayden // Domanska Eva. *The philosophy of history after postmodernism*. М. "Canon+". 2010. 400 p.